

ГЛАВА 7

Очередь в аэропорту Даболим полностью состояла из русских туристов с тележками, перегруженными чемоданами и сумками. Русские наводнили Гоа, вытеснив почти всех остальных туристов. Еще совсем недавно большинство отдыхающих были англичанами, оккупировавшие юг Гоа в поисках недорогого отдыха. Затем их сменили израильтяне, в основном молодежь, отслужившая в армии и отрывающаяся на всю катушку от радости, что остались живы. Был недолгий период, когда сюда ездили большими группами японцы и итальянцы, любящие доступные легкие наркотики, но сейчас, казалось, русских здесь процентов девяносто пять. Ожидая своей очереди, чтобы поскорей пройти паспортный контроль и наконец-то расстаться в жалком даболимском дьюти-фри с последними индийскими купюрами, сограждане общались между собой, делясь впечатлениями о прошедшем отпуске.

– Чтобы еще хоть раз я поехала в эту сраную Индию! Ноги моей здесь больше не будет, – возмущалась хорошо загоревшая за две недели подружка мажорика. – Лучше бы мы на Ибицу поехали. Где тут их хваленые пляжные пати? Где тусовки? И кокс* у них тут говно. Помнишь, какой был «первый**» в Доминикане? А крэк** стоил 30 баксов за грамм, и как торкал! А здесь что? Негры фейк какой-то везде продают. Тут или амфетамин, смешанный с анестетиками, от которого челюсти сводит восемь часов, или беспонтовый кокс с парацетамолом. Гашло у них бестолковое, и рядом с гидропоном не стояло. И цены далеко не низкие.

– Ну че ты вечно ноешь, недовольная? Пробухала две недели, проторчала, вон бля, какая загорелая возвращаешься, – отвечал ей мажорик. – А что еще делать-то было? Единственный на все Гоа работающий ночью клуб «Титос» напоминает какой-то зоопарк. Там нельзя не бухать. На каждую белую девушку двадцать дико скачущих индусов и еще десяток, которые дрочат за каждым кустом. Они же белых телочек будто в жизни не видали. Такое ощущение, что они целый год вкалывают специально, чтобы недельку поглазеть на нас.

– Ну конечно, вон юбка у тебя такая короткая, что трусы видно. А такую майку, как у тебя, вообще нельзя без лифчика здесь надевать. Ты же туземцам мозг таким видом вынесла. Если бы я охранников не позвал, порвали бы тебя как хомячка. Выебли бы прям на танцполе.

– Да пошел ты, вместе со всеми этими дикарями! Будь со мной нормальный мужик рядом, никто бы на меня даже не рискнул взглянуть. Мы вот с Ленкой когда на Ибицу тусить ездили, еще до твоего знакомства, иногда, когда совсем жарко было, топлесс танцевали, и никто нам не мешал. Глазели на нас втихаря, конечно, красавцы – испанцы, даже подкатывали некоторые знакомиться, но чтобы так бесцеремонно доставлять, нигде такого не было.

– Зато хоть без гонорей на этот раз домой вернешься, – язвительно хихикнув, громко произнес мажорик.

Лицо его девушки, покраснев, перекошилось от злости.

– Козел ты вонючий. Ничего тебе больше рассказывать не буду, – отвернувшись, прошипела она и глотнула из горла почти пустой бутылки ром.

– А нам все очень понравилось, – включился в разговор стоящий рядом лысый парень, прижав к себе поплотнее обычную, серой внешности девушку.

Арсений не сразу признал в нем фриковско-трансогового туриста, которого видел на фли-маркете. Ирокез перед Россией был сбрит налысо, большие серьги уже заменили скромные маленькие гвоздики. У его подружки тоже уже не было множества нарощенных косичек. Сейчас их одежда ничем не отличалась от обычной, той, что носят рядовые граждане.

---

* Кокс, «первый» – кокаин

** Крэк — это кристаллическая форма кокаина, представляющая собой смесь солей кокаина с пищевой содой (бикарбонатом натрия) или другим химическим основанием. В отличие от обычного кокаина, крэк принимается внутрь посредством курения.

– Мы в «Титос» не ходим, туда только провинциальных туриков возят. Мы по фричным местам ездим, – продолжил он, поймав внимание мажориковой подружки и нашего покорителя Индии. – «Керлис», «Шива вэлли», «Вест энд», «Хиппес», все самое интересное там, на северном Гоа. Мы уже лет пять сюда ездим. Целый год вкалываем, чтобы две недели тут оторваться. Я в офисе «Аэрофлота» менеджером работаю, а моя жена вообще адвокат. Если бы не кредитная кабала, то давно бы сюда жить перебрались бы. А по поводу наркотиков, здесь тоже места знать нужно, – полушепотом произнес он, посмотрев по сторонам. – Не нужно ничего на юге Гоа покупать. Тем более у негров. Им же вообще пофиг все. Надо у своих, русских драгдиллеров все брать, у тех, кто давно тут живет. Вот мы покупаем у одного русского, Сумба его зовут. Отличный парень, когда то в России высокооплачиваемым компьютерщиком был. Но пять лет назад взяли его менты со стаканом травы, посадить хотели. Так он сюда от них кое-как по чужому паспорту сбежал, стал идейным драгдилером и сейчас барыжит в Гоа и в ус не дует. Если с ним пообщаешься минут пять, становится понятно, что он не бодяжит, не фуффло какое-нибудь толкает. У него – только чистый продукт. Он сам это же, что продает, употребляет, да еще пропаганду против наркотиков ведет.

– Это как это? Типа не покупайте у меня наркотики, это плохо? – ехидно хихикнув, произнес мажорик, привлеченный интересной беседой.

– Да нет. Просто он считает, что есть плохие наркотики, типа героина, кокаина, кристалмета – те, что приводят к деградации, и есть хорошие, которые расширяют сознание, он их психоделиками называет. Так вот продает он только психоделики, сам на них и торчит. ЛСД, МДМА, марихуану с гашлом, мяу-мяу***. Мы у него все берем и на пати каждый день ходим.

– Ну, димыч*, экстази и гашло мы тоже можем иногда поюзать, но ЛСД – нахер надо. Да ведь? – грубовато обняв свою подружку, произнес мажорик. – Мы однажды в Москве, в одном гламурном клубе, съели по марочке, так ее так порвало, что мы больше туда не появляемся. – Ты прикинь, у нее так башню снесло, что она кислотное просветление отхватила. Совсем ебанулась тогда. Стала бегать по клубу и всем кричать, что поняла смысл жизни. Только смысл этот у нее очень странный оказался. Эта дура бегала и орала всем, что поняла свое предназначение. Я, говорит, все поняла, я – космическая дырка для члена. Если б я тогда сам не обдолбался, то отпиздил бы ее прямо там.

– Да лучше бы отпиздил, придурок, – надув губы, обиженно сказала его подружка и глотнула еще из горла. – Ржал ведь как урод надо мной вместо того, чтобы домой отвести. Надо было мне тогда с каким-нибудь чуркой в туалете без гандона отжариться, вот бы я поржала, когда заразила тебя бы чем-нибудь. Тоже мне джентльмен, дал опозориться своей телке на весь клуб. С тех пор мы точно знаем что психоделики не любим. Это наркотики для психов. Для нормального человека лучше «первого» ничего быть не может. Шампусик, дорожечку, гламурненькое заведение, хаус – и на двадцать минут ты центр Вселенной, а не ее дырка.

Да уж, это точно, ваши психоделики для психов, – подумал внимательно слушающий их Арсений. Он вспомнил о том, что совсем недавно сам в трипе хотел передать все свои деньги на благотворительность, и, отказавшись от всего материального, уйти в монастырь. Хорошо, что алкашка помогла прогнать эти глупые мысли. И кому только пришло в голову делить наркотики на плохие и хорошие? За все наркотики сажать нужно, а лучше, как в Китае, публично расстреливать. Вот бы заглянуть в паспорта этих гаденышей и пробить потом их адреса. Если наркотики они любят, значит и подкинуть им не грех. Пусть раскошеляются, а мы на эти деньги отели для нормальных людей строить будем.

– И здесь эти наркоманы – произнес тихо чей-то голос позади Арсения.

Обернувшись, он увидел странного парня с европейским лицом и в индийском тюрбане.

– Простите, что вы сказали? – спросил как можно культурнее Арсений, сомневаясь, что его собеседник русский.

*** Мяу-мяу – наркотик Мефедрон (4-метилметкатинон, 4-ММС) — химическое соединение класса замещенных амфетаминов и катинонов, психо-стимулятор и эмпагоген.

– Терпеть не могу наркоманов и фриков, – агрессивно сказал молодой «русский индус». – Я просто сбоку увидел, как меняется ваше лицо от разговоров этих отбросов, вот и подумал, что вы, наверное, будете солидарны со мной. Ненавижу наркоманов. Меня Мухаммедом зовут.

– А меня Арсений, приятно познакомиться. Да, вы правы, потряхивает меня от этих разговоров о наркотическом просветлении и вселенском кайфе. Но что поделаешь, приходится их терпеть.

– Арсений, давай на «ты», мы ведь ровесники, наверное, – предложил Мухаммед, и, не дождавшись согласия, продолжил. – Я вот только за границей их терпеть вынужден. На родине я не выношу чурок, наркоманов, пидаров и прочую нехристь. При любой возможности стараюсь с ними бороться – либо ментов вызываю, либо сам пиздить их начинаю.

– Прости, Мухаммед, а ты сам кто по национальности? Или ты так прикалываешься с тюрбаном на голове?

– Вопрос о национальности для меня весьма болезненный. Мой папа француз, мама русская, а дедушка индусом был. Ненавижу свои корни. Этот тюрбан на моей голове – последнее желание моего деда. Я приезжал развеять его прах в реке Ганг, и как только сяду в самолет, сниму и больше никогда не надену. Так просил он поступить после его смерти. Чтобы попасть сюда, мне пришлось даже в фамилии пару букв изменить.

– Интересно как... А зачем же фамилию нужно было менять-то?

– Ну, на самом деле это всего лишь одна буква в фамилии. Я ведь в черном списке в Индии был. Вот пришлось из-за прихоти деда паспорт с фамилией менять. Я когда-то кришнаитом был, и не простым, занимал по их иерархии серьезную должность. Слышал, наверное, про Истукон, кришнаитскую организацию? Так вот, я там пробыл десять лет. Закончил в Дели кришнаитский университет, выучил хинду и панджабский язык. Наивно пытался найти свой духовный путь, а в итоге получил одно разочарование. Лучше бы в Европе эти десять лет провел. Был бы у меня сейчас европаспорт. Ну да ладно, это мои уроки, мои «университеты». А смена фамилии – это последняя капля моей «любви» к Индии. Год назад в Арамболе я увидел, как на улице торгаш-индус без причины пожилой европейке пощечину дал. Не сдержался я тогда, дал ему в торец, а он как завизжит, набежало его друзей человек десять и давай меня лупить. Короче, получил я тогда хорошо, но и им досталось тоже. Одному гаденышу я так врезал, что потом ему отбитую почку в больнице пришлось удалять. А меня в тюрьму на месяц посадили. Вышел я под залог и по паспорту друга, через непальскую границу бежал в Россию. А в России дед у меня умер. Он в торговом представительстве при посольстве всю жизнь проработал. И пришлось мне, чтобы волю его последнюю выполнить и развеять прах в Индии, сменить в паспорте фамилию. Была у меня фамилия по матери Иванов, а стал теперь Иванько. А Иванько Мухаммеда в «черном списке» индийского посольства нет.

Я хоть и на четверть индус, но нацию эту ненавижу, – продолжил Мухаммед, и глаза его засверкали от сдерживаемой злобы. – Подлый, алчный народишко. Кто только не имел их нацию со времен Великих Моголов. Англичане, французы, португальцы, перед всеми без боя они прогибались. У них даже менталитет рабский за века выработался. Понятие о чести и благородстве отсутствует у них совсем. Если у наших русичей всегда было право один на один сразиться, то у них – как в стае обезьян: набрасываются всей сворой и пиздят. Знаешь, сколько я тут в Индии подобного насмотрелся. У них это бамбу-массаж называется. Индусы привыкли у белых людей все на халяву, обманом забирать, потому что сами-то тупые. Вот, например, англичане. Все дали этим дикарям. И железную дорогу, и пароходы, и фабрики. Срать в туалетах приучили их, руки мыть, знания вдолбить в их пустые головы попытались. А что в результате? Надоело англичанам их пятьсот лет воспитывать. Невозможно победить их менталитет. Побросали белые люди все свои железные дороги и уехали восвояси. И даже сейчас ничего не изменилось. Головой индус слаб, поэтому только и может, что дурить нашего брата. Я вот год назад купил у индуса с Арамболя скутер. Не стал на себя его переоформлять, на слово поверил. Тот индус братом меня называл. А сейчас приехал к нему, спрашиваю, где мой скутер? А он рожу воротит, говорит, не знаю ничего. Ничего, говорит, не продавал тебе. А сам крикнул брату своему, тот сосед позвал мигом, тот

другого... Собрались толпой, человек тридцать вокруг меня, палки бамбуковые в руках держат. Что мне оставалось делать? Еле ноги унес. Последний раз я на этой земле. Хватит с меня Индии.

– Да, интересная у тебя история. А я тоже вот пытаюсь Индию покорить. Только мне духовный путь, как у тебя, неинтересен. Мне и так понятно, что все их просветленные бабы– жулики и проходимцы. Мне ашрамы и кришнаитские Истуконы нахрен не нужны. Там, где англичане не справились, русские победят. Я отель себе здесь решил построить. Фирму зарегистрировал, виллу себе купил. Все легально, хрен меня наебешь. Раз говоришь, индус слаб мозгами, то неужто русские в конкурентной борьбе не победят? Да вжисть не получится у индуса что-то лучше сделать, чем у русского. Вот сейчас вернусь в Россию, официально деньги на свой индийский счет переведу, землю куплю, отель построю такой, что ни одному индусу и не снилось. А затем потихоньку тут все и скувим. Если индус как корова, благостный и туповатый, значит запрягать его нужно и пахать на нем.

– Эх, Арсений, ну если ты считаешь, что умнее всех предшественников, что за две тысячи последних лет покоряли Индию, то бог тебе в помощь. Кстати, тебе, наверное, годовую бизнес-визу в Индию нужно будет. Могу помочь с этим. Слава богу, за десять лет у меня накопилось много связей. Именно благодаря ним я деньги зарабатываю.

– Давай телефончиками обменяемся. Может быть, пригодится. Хотя меня предупреждали все документы только легально оформлять.

– Но легально бизнес-визу тебе дадут поначалу только на три месяца. Через год – полугодовую, через три – может, получишь годовую.

А для того, чтобы получить пятилетнюю бизнес-визу, тебе придется десять лет налоги платить, и то не факт, что дадут. Индусы обожают взятки, без них дело никуда не сдвинешь. Хотя русские чиновники точно такие же. Я давно уже за деньги помогаю русским, живущим здесь, в Гоа, визы делать. Вот только фрикам ничего делать не хочу. Они наркоманы тут все поголовно. Терпеть их не могу. Все фрики просветленными себя считают, а сами курят гашиш с утра до ночи и ничего не делают. Сколько раз бывало, что я продавал фрикам пакеты документов на визы, а вместо благодарности эти уроды выкидывали какой-нибудь финт. То регистрацию вовремя не сделают, то, решив сэкономить сто баксов, сделают ее не там где нужно, и при любых неприятностях начинают вопить на весь интернет, что их кинул нечестный Мухаммед. Другое дело обычные люди. Все сделают как надо и поблагодарить не забудут. Вот, Арсений, вам моя визитка, как надумаете меня в Москве найти, звоните.

Мухаммед раскланялся и, подхватив свой чемодан, растворился в толпе. Больше его Арсений не видел ни в аэропорту, ни в самолете. Видимо, тот снял свой ненавистный тюрбан.

Пройдя пограничный и таможенный контроль, отдохнувшие и загоревшие туристы рассосались по залу ожидания, делясь между собой впечатлениями. Кто-то восхищался магией Индии и уже мечтал о следующей поездке в эту волшебную страну, кто-то материл и проклинал индусов за их срач и мусор, кто-то просто пьянствовал все две недели и не очень-то понимал, что вокруг него происходит. Но в общей массе люди испытывали различные эмоции, и это было прекрасно. Индия не отпускала просто так. Люди или влюблялись в эту страну или проклинали ее.

Сдав багаж и купив маленькую бутылочку вискаря, Арсений сел подальше от всей этой гудящей массы и, сделав глоточек, стал ждать, пока объявят посадку на самолет. Впервые он испытывал такой широкий спектр эмоций. Ему поскорее хотелось поделиться впечатлениями с тестем-фээсбэшником и с друзьями с бывшей работы, где он так долго служил простым ментом. Ему казалось, что он уже практически покорил Индию. Если не удалось англичанам, португальцам и французам, то совсем не значит, что не получится у русского.

– Извините, рядом с Вами свободно? – перебил его мысли мужчина в строгом костюме. – Вы не похожи на всех отдыхающих. Вы тоже здесь по бизнес-визе?

– Да, вы почти угадали, я здесь по бизнесу, – гордо ответил Арсений, ощущая себя почти небожителем. – И Вы?

– Да, у меня в Гоа своя газета. Первая русская газета в Индии. Я Михаил Павлушкин. «Гоа-экспресс». Слышали о такой? – произнес эlegantного вида мужчина и протянул свою визитку.

– А меня Арсений зовут. Первый русский отель. Правда, он еще в процессе строительства, – соврал наш герой, чтобы быть наравне с этим стильным бизнесменом. Присаживайтесь. Я, к сожалению, про вашу газету не слышал, но двум бизнесменам всегда найдется, о чем поговорить, – сделав максимально приветливое лицо, произнес Арсений, и незаметно убрал в карман початую бутылочку. Ему не хотелось выглядеть подобно остальным, которые бухали, чтобы было не страшно лететь. Теперь он считал их всех ниже себя.

– И где же он находится? Я на севере Гоа живу и работаю. А вы, наверное, с юга?

– Да, мой отель в районе Колвы. Неделю назад я приобрел там виллу. Сейчас нужно будет сделать кое-какие дела в Москве и назад. Надо контролировать процесс, иначе индусы все сделают через зад.

– Это точно. Ничего серьезного им доверить нельзя. Их сколько не обучай, все равно сделают, как им удобнее, если их не контролировать. Вы же, наверное, оценили качество местных газет. В России в сорок третьем году и то лучше было. Вон, посмотрите, как они работают, – сказал Михаил, указав на трех уборщиц, размазывающих грязь по полу аэропорта. – Они сейчас работают только потому, что вон та мадам одним глазом смски не переставая кому-то шлет, а вторым за уборщицами следит. Она их начальник. Если она хоть пять минут перестанет за ними приглядывать, то все, работа встанет. Только так вся Индия работать и может. На троих работающих должен быть один смотрящий. И если хочешь, чтобы качество работы было европейским, смотрящий должен быть белым.

– Да, да, я это сразу понял. Поэтому я побыстрее дела закончу и назад к своему бизнесу. Тут в Индии со времен Великих Моголов все кому не лень пытались бизнес вести, но так и не поняли, что процесс нужно контролировать. Так и англичане, и французы, и португальцы разорились. Но, как говорится в русской пословице – «что русскому хорошо, то немцу смерть». Мы, русские, всегда были смысленнее всяких европейцев. Если бы не всемирный еврейский заговор, то давно бы миром правили. Мы еще покажем индусам, кто лучше дела вести может. Так ведь, Михаил?

– Безусловно. У меня тоже наполеоновские планы. Раскручу свою газету, начну индийские скупать. Планирую выпускать глянцево-е журналы. Они же тут качественной полиграфии отродясь не видели. Кстати, не наш ли рейс объявляют? – прервав свой монолог, сказал русский издатель и, тут же встав, предложил Арсению побыстрее проследовать в самолет. – Не хочу толпиться с этой пьянью. У меня бизнес-класс. У вас ведь тоже?

– К сожалению нет. Мой секретарь сказала, что не успела купить билеты бизнес-класса, были только эконом. Придется мне с этим быдлом лететь вместе, – соврал, сказал Арсений, и пренебрежительным взглядом указал на компанию мажорика, допивающих очередную бутылку чего-то крепкого.

– Ну что ж, сочувствую вам. Увидимся в Шереметьево. Я думаю, мы еще с вами посотрудничаем. У вас отель, у меня средства массовой информации. Нам вместе держаться нужно.

– О да, конечно же, – ответил Арсений, пожав руку Михаилу, и про себя отметил: «есть же ведь нормальные люди, не то, что эти двухнедельные туристы».

Заходя в салон самолета, Арсений уже испытывал такую неприязнь к согражданам, которой до этого никогда еще не чувствовал. Ему так захотелось лететь в салоне бизнес-класса, что он попытался уговорить стюардессу пересадить его туда, где сидели ЛЮДИ, а не быдло. Но дважды получив ответ, что там нет свободных мест, наш герой обреченно поплелся на свое место, где его уже радостно ждали Ирка и Колян. Точнее Ирка. Колян как бы присутствовал, но сознание его было где-то далеко, наверное где-то в раю для мясников. Пьяный в лоскуты, он сидел, прижавшись мясистой щекой к иллюминатору и уже сладко, как дитя, пускал во сне слюни. В отличие от него, Ирка была бодра и весела. Ее кожа была бронзово-загорелой, глаза излучали счастье, а волосы, выжженные индийским солнцем, словно светились.

– О, привет, Арсюша, как отдохнул? Наверное в пятизвездочнике вообще все шикарно было. А как нам-то все понравилось. Индусики все добрые, отзывчивые. Грязновато порой, ну а где сейчас чисто. Мы же все сами помойку вокруг себя создаем. Жалко только, что Колька мой пьяный все время был, наверное, и не вспомнит ничего. А мне все очень понравилось. Ну, рассказывай, Арсюш, чем вас на шведском столе в отеле кормили? У нас-то столы ломались, а в пятизвездочнике, говорят, вообще все в два раза больше.

– Ой, Иринка, мне бы твои проблемы. Не поверишь, времени на отдых совсем не было. Я же виллу себе успел купить, сейчас еду деньги переводить на счет своей индийской компании. Буду отель строить. Может быть, в следующий раз в мой отель приедешь с Коляном отдыхать.

– Вот ты крутой, Арсюша. В нашем дворе ты всегда был каким-то особенным. Вот в люди выбился, не то, что мой, – бросив презрительный взгляд в сторону спящего супруга, заигрывающим голосом промурлыкала Ирка и аккуратно положила свою теплую ладонь Арсению на бедро. – Обязательно приеду к тебе в отель отдыхать, и уже без своего. Лучше подружку в следующий раз возьму. А то от Коляна пользы на отдыхе как от козла молока. Ни разу не приласкал меня, все время только не просыхая бухал. А ведь я, ты же помнишь наверное, очень ласку мужскую люблю.

Страстно заглянув в его глаза, Ирка, улыбаясь кончиками губ, плавно провела рукой по гульфику Арсения, и снова бросила взгляд на пьяного мужа. – Только ты в своем отеле обучи поваров, чтоб не клали столько перца. Все у них тут в Индии хорошо, но с перцем они совсем спятившие.

– И не говори, Ирусик, сам плевался от их жрачки. Такого у меня не будет. Приедешь в мой отель, лучший номер тебе дам, будешь только крабами и омарами питаться, и без всяких специй.

Арсений смотрел на Иринку и вспоминал молодость, чердак, ее белые в розовый горошек трусы, которыми он впервые вытер свой писюн после того, как стал мужчиной. Из всех женщин, что были в его жизни, Ирка стала самым ярким пятном. В его памяти она осталась лучшей шлюхой. Никогда не нужно было ее уговаривать или что-либо обещать взамен за ласки. Она всегда с радостью давала пользоваться ее юным телом всем пацанам со двора, потому что сама любила это делать. И сейчас, пролетая над Индией, Арсений словно вновь возвратился в юность. Перед ним сидела та юная шлюшка, которую он много раз имел на чердаке вместе с друзьями. Арсений вспомнил, что давно уже ни с кем не трахался, и, посмотрев на спящего Коляна, положил Ирке руку на оголенное короткой юбкой колено.

– Я сейчас пойду в туалет, – томно произнесла Ирка. – Ты через пять минут приходи, постучишь два раза, я тебе открою.

Кровь снова ударила в голову Арсения как в детстве, и приятная истома загуляла внизу живота. Не дождавшись, пока пройдут бесконечные пять минут, Арсений торопливо прошел меж рядов сограждан, стараясь не смотреть им в глаза, и, оглядевшись по сторонам, потихоньку постучал в дверь.

Страстно жаря сзади Иринку, Арсений зубами держал ее подол, не давая проснувшемуся в нем животному громко стонать и рычать. Те чувства, что сейчас пылали между ними, нельзя было назвать нежными. Арсений грубо трахал ее, словно мстя всем женщинам мира, не давших ему то, чего он всегда желал. А желал он всегда только одного – быть лучшим среди всех мужчин. И только легкодоступный секс давал ему это иллюзорное ощущение, что он альфа-самец на этой планете. Нежность была не свойственна нашему герою, таким уж создал его бог. Над Ирусиком создатель тоже посмеялся, обделив ее скромностью и благочестием. Ей нравилось, когда мужчины пользовались ей, как последней блядью. Только это сладкое и запретное чувство помогало ей попасть на небеса блаженства. После совместного рычания в унисон, «влюбленная парочка» по одному покинула туалет. Весь обратный путь они не разговаривали, словно и не были знакомы. Когда самолет приземлился, Ирина, с трудом растолкав Коляна, выходила из салона последней, волоча на себе мерзкого муженька.

Россия встречала ноябрьской серостью, но воздух все равно был еще теплым. Затянувшееся бабье лето радовало. Но большинство лиц у туристов с приближением к родине становилось все мрачнее и серьезнее. Те, кто всю дорогу пил, выглядели помятыми дегенератами, мамыши с детьми были уставшими и недовольными, а бизнесмены и чиновники, вновь натянув надменные маски, старались выглядеть свежо и

деловито. Арсений, тоже считая себя важным бизнесменом, шел к двигающейся ленте с багажом, гордо держа осанку и слегка подняв подбородок. Ничто в этом мире не могло испортить ему настроение. Стоящий возле самого конца ленты Михаил выглядел слегка нервно. Отбивая ногой в такт какой-то сумасшедший ритм, он словно торопил время, но всем остальным видом показывал, что никуда не торопится.

– Если вам в центр, могу подвести. Меня тесть на джипе встречать будет, место есть, – подойдя сзади, произнес Арсений.

Слега вздрогнув, Михаил обернулся.

– А, это вы. Нет спасибо. Меня тоже встречают. А вот и мой долгожданный багаж, – ответил он и потянулся за приближающимся чемоданом на колесиках.

– А вон следом и мой.

Выдвинув ручки и накинув плащи, два бизнесмена гордой и торопливой походкой деловых москвичей направились к выходу по «зеленому коридору».

– Извините, не могли бы вы поставить свои чемоданы сюда, – перегородив дорогу, произнесла девушка в форме таможенника. – Можно посмотреть ваши паспорта?

– А в чем, собственно, дело? – побелев, сказал Михаил. – Мы бизнесмены, у нас ничего запрещенного нет.

– Да нет проблем, – достав из брюк паспорт, ответил Арсений, и, улыбнувшись, протянул его девушке.

– Пройдете, пожалуйста. Вы и вы, – вдруг грубо произнес откуда-то сзади голос мужчины в форме, и Арсению слегка надавили на локоть.

Арсений знал, что значит, когда так поступают и, не споря, взял за ручку багаж и покатил его в сторону двери в спецкомнату для досмотров. Следом шел бледный Михаил и недовольно бормотал проклятия системе, которая не ценит бизнесменов. Перед тем как закрыть дверь, еще один таможенник запустил в комнату кого-то в штатском и женщину, что сидела позади Арсения в самолете. Она так же возмущалась, но только твердила, что она торопится и у нее есть только пятнадцать минут, потому что ее тоже кто-то встречал. Таможенник попросил открыть сумку у Михаила и выложить все вещи на стол. На Арсения же никто не обращал внимания, а затем таможенник, взяв в руки большую шахматную доску, обратился к нашему герою и его соседке:

– Мужчина, подойдите, пожалуйста. Вот шахматная доска, которая только что была в сумке этого гражданина. И вы гражданка, подойдите ближе.

Открыв доску и высыпав фигуры на стол, мужчина в штатском раскладным ножиком подцепил дно игровой доски и оторвал его. Под ним виднелся большой, во всю площадь плоский сверток, обмотанный пищевой пленкой и скотчем. Тем же ножом мужчина вскрыл его, оголив кусок чего-то коричневого и мягкого, как пластилин. Яркий сладковатый запах стал наполнять комнату. Арсений тут же его вспомнил. Так пахло, когда он, невменяемый, лежал на водопадах, а фрики все два часа что-то смешивали с табаком и курили через глиняную трубку. Они называли это чарасом. Арсения ударило в пот. Осознание того, что он тоже причастен к наркотикам, заставило кончики его пальцев слегка затрястись. Михаил стоял молча и только хлопал глазами. Когда их взгляды встретились, он обреченно и горько сказал Арсению:

– Ну вот и закрылась первая российская газета в Гоа.